

УДК 94 (47)“1914/1918”

Р. Р. Магомедов**Л. В. Гришакова****Идея славянского единства и ее отражение в политике в отношении военнопленных славян в Оренбургской губернии в годы Первой мировой войны**

В статье на примере Оренбургской губернии показано отражение идеи славянского единства в политике в отношении военнопленных славян, которая в губернии осуществлялась усилиями военных и местных властей, Оренбургской епархии и Славянского благотворительного общества. Дифференцированный подход в размещении военнопленных, организации их быта и труда по признаку славяне — неславяне был одной из составляющих этой политики. В Оренбургской губернии этот подход в основном соблюдался, особенно в организации и использовании труда военнопленных в экономике края. Идеино-политическая работа на местах была подчинена цели положительного восприятия России и благожелательного отношения к ней со стороны военнопленных славян.

Ключевые слова: Первая мировая война, славянское единство, военнопленные-славяне, Австро-Венгрия, Германия, Оренбургская губерния.

В 2018 г. исполняется 100 лет со дня окончания одной из кровавых войн в истории человечества — Первой мировой войны. Это эпохальное событие вызывает повышенный интерес у отечественных исследователей. Составной частью этой большой многоплановой темы является проблема военного плена, в изучении которой имеются заметные успехи. Об этом свидетельствует статья И. Б. Беловой, в которой подводятся итоги изучения в нашей стране истории пребывания военнопленных центральных держав в русском и советском плену [4]. Полезность этой работы для исследователя заключается в том, что ее автор определяет приоритетные направления для дальнейшего изучения данной темы [4, с. 150].

В последние годы активизировалось изучение вопросов, связанных с пребыванием подданных Австро-Венгрии и Германии славянского происхождения в России и политикой властей по отношению к ним [2; 5; 17]. Отечественная историография Первой мировой войны пополнилась статьями, посвященными идее славянского единства и ее отражению в политике государства в рассматриваемый период [1; 3].

На региональном уровне проблеме плена посвящены работы Д. А. Сафонова, В. Г. Семенова, Н. Н. Шмаковой, Р. Р. Магомедова и Э. С. Идрисовой [13; 16; 25—28]. Преимущественно эти исследователи сосредоточены на изучении численности и размещения военнопленных в Оренбургской губернии, использования их труда в экономике края, условий содержания иностранных подданных в плену. Д. А. Сафоновым предпринята попытка раскрыть содержание нового направления оренбургской региональной историографии Первой мировой войны — «проанализировать деятельность местных властей в отношении военнопленных с точки зрения управленческого опыта» [26, с. 150].

Признавая вклад авторов в разработку данной темы, необходимо отметить, что она требует дальнейшего исследования, в частности проблема, обозначенная в названии настоящей статьи.

Кроме того, актуальность изучения данной проблемы в том, что в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого столетия славянские народы геополитически оказались расколоты. С карты мира исчезла Югославия, Польша и Болгария оказались интегрированы в европейские военно-политические и экономические структуры, наконец, в

© Магомедов Р. Р., Гришакова Л. В., 2017

острейшем кризисе пребывают современные отношения России и Украины. В связи с этим славянский вопрос активно используется в современной международно-политической практике.

Известно, что Первая мировая война стала результатом обострения межимпериалистических противоречий между ведущими европейскими державами. Блоковая система международных отношений на европейском континенте, которая окончательно оформилась подписанием англо-русского соглашения в 1907 г., продемонстрировала неспособность крупнейших государств путем дипломатии решать острейшие проблемы современности.

Летом 1914 г. противоречия между европейскими державами вступили в новую фазу обострения — началась Первая мировая война, которая втянула в свою орбиту 38 государств с населением свыше 1,5 млрд. человек.

Известно, что каждое государство, участвующее в военном конфликте, заранее готовит общественное мнение для получения всемерной поддержки своих действий у широких социальных слоев общества. Так было и в случае с Первой мировой войной.

Еще до начала войны официальная пропаганда была нацелена на внедрение в сознание обывателя идеи славянского единства и России как защитницы всех славян. Она же легла в основу идеологии государства в годы Первой мировой войны. В своем обращении к подданным император Николай II обнародовал цели, преследуемые Россией в начавшейся войне. В Высочайшем манифесте от 20 июля (2 августа) 1914 г. он подчеркивал: «Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови с славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особой силою пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования. <...> Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Нам страну, но оградить честь, достоинство, целостность России и положение ее среди великих держав» (цит. по: [2, с. 173]).

Из этого документа следует, что российский император объявил начавшуюся войну отечественной, справедливой, направленной на защиту территориальной целостности страны, статуса великой державы, а также защиту славян.

Русским обществом, всеми его слоями эта война была принята как отечественная, оборонительная. В стране наблюдается резкий всплеск патриотических и националистических настроений, что свидетельствовало о небывалом единении общества и власти. Явка 95% призывников на призывные пункты стала ответом населения на военную мобилизацию, объявленную государством [14, с. 203]. При этом такое восприятие войны было присуще не только русскому народу. Это очевидно из анализа устного народного творчества представителей нерусских народов Башкирии в годы Первой мировой войны. В частности, мы находим следующее четверостишие:

Дайте, дайте мне винтовку,
Дайте серого коня,
Я убью царя Вильгельма —
Тогда кончится война [15, с. 177].

В Высочайшем Манифесте указывалось, что Россия выступает как защитница Сербии, которая стала объектом агрессии со стороны Австро-Венгрии, и остальных славянских народов. С началом войны на государственном уровне пропагандировался лозунг единства славянских народов и решающая роль России в их защите от Австро-Венгрии и Германии. Идеологическое обоснование начавшейся войны как освободительной войны всего угнетенного славянского населения было принято значительной частью общества.

Известный русский поэт С. М. Городецкий в своем творчестве наиболее полно смог отразить эти настроения:

Мы воюем за спасение
Братьев, страждущих славян.
Мы свершим освобождение
Подъяремных русских стран (цит. по: [3, с. 57]).

Это хорошо видно также из официальной записки представителя МИД России А. М. Петряева: «Благодаря агитации и пропаганде идея об освобождении западных славян нашла себе благодарную почву в славянофильски настроенном русском обществе. Великой войне, охватившей всю Европу, стал постепенно придаваться характер борьбы за освобождение западного славянства от австрийского ига. Мало-помалу прививалась идея, что война начата не по каким-либо иным высшим политическим причинам, в которых интересы России занимают первенствующее место, а лишь ради освобождения славянских народностей двуединой монархии» (цит. по: [3, с. 56—57]).

«Записки» другого представителя МИД Российской империи Г. Н. Михайловского помогают нам определить содержание трактовки славянского вопроса правительством страны и отдельными его представителями и роль России в его решении. Автор этого документа также утверждает, что целью Российской империи в начавшейся войне явилось освобождение славянских народов. Однако политика правительства в отношении славян, по его мнению, отличалась непоследовательностью в ее проведении. При этом Михайловский указывал на отсутствие дифференцированного подхода со стороны правительства по отношению к подданным Австро-Венгрии и Германии с учетом их национального признака. Упущение чиновник видел в том, что «в самом начале войны все категории неприятельских подданных были смешаны в одну рубрику “вражеских подданных”, славяне (австрийские подданные) или эльзасцы (германские подданные) подвергались тем же ограничениям, что и коренные немцы, хотя “освободительный” славянский характер войны был всем ясен» (цит. по: [1, с. 22]). Он признавал необходимость предоставить славянам особый юридический статус, делающий их положение более привилегированным нежели других подданных воюющих с Россией иностранных государств. Однако потребовалось полгода для решения этой проблемы на самом высоком государственном уровне, чтобы придать Первой мировой войне «действительно общеславянский, “освободительный” характер» [1, с. 23].

Как уже отмечалось выше, летом 1914 г. война между мировыми державами стала реальностью. Расчеты военных стратегов не оправдались. Вместо 4—6 месяцев, по их прогнозам, война стала долгой и длилась 4 года.

Первая мировая война, невиданная по своим масштабам, жестокости и кровопролитию, была нацелена на максимальное истощение материальных и человеческих ресурсов враждующих сторон. Потери в этой войне составили 9,5 млн. убитыми и 20 млн. человек ранеными [17, с. 53]. Значительными были потери и в виде военнопленных. По данным, приводимым С. Н. Базановым, только в русском плену оказалось 2,2—2,3 млн. военнослужащих воюющих с Россией государств. Из них 670—830 тыс. человек были подданными Австро-Венгрии славянского происхождения — чехи, словаки, сербы, хорваты, словенцы, поляки, украинцы [2, с. 176—177].

Большое количество военнопленных-славян объяснялось полиэтническим составом армии «лоскутной» монархии Габсбургов, представляющей конгломерат разных народов. Более 45% военнослужащих вооруженных сил Австро-Венгрии составляли славяне [2, с. 176].

География размещения военнопленных была достаточно обширна. В начале войны их направляли преимущественно в регионы, значительно отдаленные от фронта. Таковым являлся Казанский военный округ, куда входила и Оренбургская губерния. На его территории к началу 1917 г. было создано 113 лагерей. В них пребывало 285 тыс. человек [2, с. 178]. По данным, приведенным В. Г. Семеновым, в годы войны численность контингента военнопленных в Оренбургской области менялась: осенью 1914 г. — 8759 человек, осенью 1916 г. — 11 388 человек, осенью 1917 г. — 9307 человек [27, с. 71]. Правда, Д. А. Сафонов, ссылаясь на неопубликованные источники, называет другие цифры: в конце 1914 г. в оренбургском плену находилось 1849 человек, в 1915 г. — 13 725 [26, с. 152].

К сожалению, в документах местных архивов сведения об этнической принадлежности военнопленных крайне разрознены. Они не позволяют составить целостную картину об иностранных подданных по этому признаку, в том числе и военнопленных славян. Хотя, ссылаясь на них, мы можем констатировать, что число военнопленных славянского происхождения было значительным. Так, газета «Оренбургская жизнь» от 7 сентября 1914 г. сообщала своим читателям, что среди прибывших в Челябинск военнопленных много людей, которые говорят на русском языке [22, с. 3]. Эта же газета в феврале 1915 г. писала, что священник Серафимовской церкви исповедовал и причастил свыше тысячи православных военнопленных [23, с. 2].

Следует отметить, что с первых дней войны центральная власть начала проводить целенаправленную работу с контингентом военнопленных-славян. Так, в октябре 1914 г. было создано Всероссийское попечительство о пленных славянах, которое должно было сосредоточить свою деятельность на решении следующих задач: разделение военнопленных на две категории по национальному признаку — славян и неславян и оказание первым медицинской и материальной помощи. Кроме того, идейно-политическую составляющую своей работы организация видела в «возможно широком ознакомлении пленных с Россией и подготовке из них сознательных и убежденных поборников общеславянской культурной идеи с целью духовного содействия переходу славян в русское подданство» [13, с. 30].

Активную работу эта организация проводила на территории Оренбургской губернии. В частности, ее представитель И. О. Кржановский свой приезд в регион объяснял желанием получить сведения о размещении пленных славян и оказании помощи в организации их быта. Он лично встречался с военнопленными славянами, интересовался их проблемами и пожеланиями [6, л. 11, 16].

Всероссийское попечительство активно контактировало с местной властью для решения проблем, связанных с содержанием военнопленных славян и проведением идейно-политической работы в их среде. В частности, губернатор Н. А. Сухомлинов на обращение руководства этой организации содействовать работе со славянским контингентом пленных отметил, что местная власть видит свою задачу в подготовке «из них [военнопленных славян. — Р. М., Л. Г.] ко времени возвращения из плена на родину убежденных поборников славянской идеи» [7, л. 30].

При широкой поддержке местных властей в Оренбурге было создано Славянское благотворительное общество, задачи которого во многом совпадали с теми, которые провозгласило Всероссийское попечительство о пленных славянах. Его отделения возникли и в уездных городах губернии. Они занимались вопросами оказания материальной и медицинской помощи пленным-славянам, изучением условий их жизни и труда, организацией похорон умерших. Значительное место в их деятельности занимала благотворительная работа — организация концертов и спектаклей, открытие общественных столовых, чай-

ных и ночлежных домов. Специальная литература, распространяемая среди военнопленных, помогала им лучше узнать историю России, ее отношение к славянским народам и цели, стоящие перед ней в войне против Германии и Австро-Венгрии. Безусловно, все это стимулировало формирование положительного имиджа России в сознании пленных славянского происхождения. Так, вице-губернатор Л. А. Пушкин, указывая на необходимость заботы о военнопленных со стороны властей, подчеркивал, что такая работа оставит у них «вечную добрую славу и память о России в сердцах» [6, л. 1 об.]

Деятельность Славянского благотворительного общества имела желаемые для власти результаты. Так, подданные Австро-Венгрии — словаки, чехи и поляки, находившиеся в плену в Оренбурге, отслужили молебен в местной церкви о даровании победы России в войне. Кроме того, ими было высказано согласие получить российское подданство [6, л. 29]. Газета «Оренбургская жизнь» в сентябре 1914 года писала, что многие военнопленные славяне выражают желание остаться в России после окончания войны [22, с. 3].

Архивные документы и местная печать того времени свидетельствуют также о том, что Русская православная церковь и ее представители вели работу среди военнопленных. Они были объектом пристального внимания со стороны Оренбургской епархии. В частности, в Меновом дворе в городе Оренбурге, где располагался один из лагерей для военнопленных, священнослужители организовывали религиозные службы [20, с. 3].

Следует отметить особую роль местных газет в описании прибытия военнопленных в Оренбург или же их проезда в сторону Туркестана. Журналисты все это преподносили как заметное событие для провинциального города. «Оренбургская газета» в сентябре 1914 года сообщала, что прибытие поезда с военнопленными (более 800 человек) вызвало большой интерес у собравшихся на вокзале местных жителей [19, с. 2]. В другом номере этой газеты указывалось на то, что военнопленные с поезда, следовавшего в сторону Ташкента, на станции Оренбург получили горячее питание и совершили прогулку по перрону. Особо подчеркивалось, что военнопленные-славяне вступали в разговоры с местными и рассказывали о том, как они оказались в плену [18, с. 2]. Понятно, что подданные иностранных государств, воюющих с Россией, не станут рассказывать о своих героических подвигах в боях с русскими. Скорее они особо подчеркивали свое добровольное нахождение в плену.

Достаточно регулярно местные газеты освещали повседневную жизнь военнопленных, организацию их быта. При этом особый акцент делали на иностранцах славянского происхождения [21].

Безусловно, такая работа способствовала формированию благожелательного отношения местного населения к военнопленным славянам.

Неодинаковое отношение властей к военнопленным славянам и неславянам проявилось в использовании их труда в экономике губернии. Первая категория пленных имела явное преимущество в выборе того или иного вида работы. Пленные славяне, как правило, предпочитали трудиться в аграрном секторе, видя в этом для себя очевидные выгоды, чем работать на заводах или же на строительстве железных дорог, мостов и т.д.

Необходимо отметить, что и местное население делало выбор в пользу военнопленных славян. Так, волостные правления Челябинского уезда преимущественно прибегали к услугам военнопленных-славян в решении хозяйственных задач. При этом такой шаг они объясняли своим негативным отношением к пленным немцам и австрийцам [11, л. 243]. На распределительных пунктах в Челябинском уезде оставались невостребованными военнопленные неславянского происхождения. Местные власти одну из причин находили в недоверчивом отношении местного населения к ним [11, л. 244].

Труд пленных активно использовался частными лицами. В архивах содержится множество документов, свидетельствующих о заинтересованности местных землевладельцев в использовании труда военнопленных славянского происхождения. В частности, в одном из документов сообщается о направлении в апреле 1915 г. около 300 пленных-славян на работу у частных лиц [9, л. 100]. К их услугам горожане прибегали для выполнения работ на дому, в хлебопекарнях и т.д. Однако с осени 1915 г. в связи обострением проблемы нехватки рабочих рук в секторах экономики оборонного значения труд военнопленных славян наравне с немцами и австрийцами активно использовался в соответствии с нуждами войны.

Выбор работодателей в пользу славян объяснялся не только установками сверху о приоритете использования их труда. Пожалуй, не последнюю роль сыграла официальная пропаганда идеи славянского единства, понимание общности исторических судеб всех славянских народов и особой роли России в войне с Австро-Венгрией и Германией.

Анализ приказов по Казанскому военному округу показывает, что были разработаны правила, предусматривающие облегченные условия для содержания в плену офицеров славянского происхождения. Им предоставлялись лучшие пункты для размещения по сравнению с другими иностранными подданными, разрешалось участвовать в работе местных военно-промышленных комитетов [24, с. 1151].

Важным источником для определения сути политики власти по отношению к военнопленным являются их письма, адресованные родным и близким. Архивные данные свидетельствуют, что военнопленные, носящие неславянские имена, чаще всего жаловались на свою жизнь в неволе [12, л. 880, 1058 б].

Еще одним источником, позволяющим показать результаты дифференцированного подхода к военнопленным в Оренбургской губернии, является статистика, фиксировавшая их отказ подчиняться лагерным властям, саботаж трудовых мобилизаций, а также попытки бегства. Архивные материалы показывают, что эти формы сопротивления имели место в лагерях в Оренбургской губернии. Однако такое поведение военнопленных нельзя рассматривать как массовое явление. В основном властям сопротивлялись немцы и австрийцы. Э. С. Идрисова, ссылаясь на архивные данные, приводит следующую статистику побегов военнопленных в Оренбургской губернии на июнь 1916 г.: в Челябинском уезде — 39 человек, Верхнеуральском — 1 человек, в Орском — 3 человека [13, с. 94].

Однако, несмотря на усилия военной и гражданской властей, многие задачи, которые определил Центр, оказались невыполненными. Так, не реализованными до конца остались действия по разделению военнопленных по этнонациональному признаку, хотя архивные материалы свидетельствуют о принятии в октябре 1915 г. решения об изолированном друг от друга проживании славян, немцев и венгров [8, л. 49]. Хотя из-за частых трений в отношениях между славянами, с одной стороны, венграми и немцами — с другой, на хозяйственных работах власти старались организовать их раздельную деятельность [10, л. 31]. Судя по документам, на территории губернии так и не был снят запрет на свободное проживание славян в городах, а также на выбор работы.

Трудности в решении этой проблемы объяснялись прежде всего вновь прибывающими партиями военнопленных. Страна оказалась не подготовленной к затяжной войне. Отсюда нехватка военных лагерей и специальных помещений для содержания большого количества военнопленных.

Усугубившиеся экономические и продовольственные неурядицы в воюющем государстве негативно сказались как на жизни его граждан, так и иностранных подданных. Исключением не стали и военнопленные славяне.

Таким образом, Первая мировая война официальной пропагандой была идеологически обоснована как война справедливая и освободительная в плане защиты от Германии и Австро-Венгрии не только Отечества, но и всего славянства. Идея славянского единства и роли России как ее поборницы в рассматриваемый период легла в основу официальной государственной пропаганды. В начале войны она способствовала консолидации общества.

На примере Оренбургской губернии мы видим, что идея славянского единства нашла отражение и в политике государства в отношении военнопленных, которая была направлена на создание смягченных условий для военнопленных-славян в плену по сравнению с другими иностранными подданными. Эта идея легла и в основу идейно-политической работы с военнопленными-славянами.

Архивные материалы показывают, что в Оренбургской губернии проводниками этой политики являлись военные, местная власть, православная церковь и Славянское благотворительное общество.

Такая политика способствовала формированию положительного имиджа России как защитницы интересов всех славянских народов.

Список использованных источников и литературы

1. Аржакова Л. М. Славянский вопрос в российской политике на начальном этапе Первой мировой войны (по страницам воспоминаний дипломата-современника) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2, История. 2014. № 1. С. 20—27.
2. Базанов С. Н. Военнопленные-славяне в России в годы Первой мировой войны // Труды Института российской истории РАН. 2013. № 11. С. 171—184.
3. Бахтурина А. Ю. Славянское единство: идея и практическое воплощение в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны [Электронный ресурс] // Первая мировая война, Версальская система и современность : сб. статей / отв. ред. И. Н. Новикова, А. Ю. Павлов, А. А. Малыгина. СПб. : СПбГУ, 2014. С. 55—64. URL: http://histrf.ru/uploads/media/artworks_object/0001/09/8966ca31db3cbe2244b4b5afaef65218be63a2b7.pdf (дата обращения 24.10.2017).
4. Белова И. Б. Российские исследования истории пребывания военнопленных центральных держав в русском и советском плену // Новая и новейшая история. 2014. № 5. С. 143—150.
5. Валитов А. А. Отношение официальных властей к военнопленным Первой мировой войны в Тобольской губернии [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 7. С. 48—51. URL: <http://human.snauka.ru/2014/07/7348> (дата обращения 30.09.2017).
6. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 11. Оп. 1. Д. 1281.
7. ГАОО. Ф. 11. Оп. 12. Д. 88.
8. ГАОО. Ф. 11. Оп. 12. Д. 89.
9. ГАОО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 207.
10. ГАОО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 265.
11. ГАОО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 289.
12. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 569.
13. Идрисова Э. С. Иностранные военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале : дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008. 193 с.
14. Магомедов Р. Р., Шамакова Н. Н. Население Южного Урала в начале Первой мировой войны // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 5. С. 203—207.
15. Магомедов Р. Р. Несостоявшаяся Вторая Отечественная война // Россия в Отечественных войнах. Четвертые Всероссийские историко-краеведческие чтения памяти профессора П. Е. Матвиевского. Посвящается 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 года. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2012. С. 177—178.
16. Магомедов Р. Р., Идрисова Э. С. Военнопленные Первой мировой войны в Оренбургской губернии в 1917 году // Исследования и исследователи Юго-Востока России (XIX—XX вв.). Вторые региональные историко-краеведческие чтения памяти профессора П. Е. Матвиевского : сб. статей. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2008. С. 124—127.

17. Ниманов Б. И. Содержание иностранных военнопленных на территории России в годы Первой мировой войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2009. № 2. С. 53—61.
18. Оренбургская газета. 1914. 21 сент.
19. Оренбургская газета. 1914. 23 сент.
20. Оренбургская газета. 1915. 28 февр.
21. Оренбургская жизнь. 1914. 24 авг.
22. Оренбургская жизнь. 1914. 7 сент.
23. Оренбургская жизнь. 1915. 14 фев.
24. Приказы по Казанскому военному округу. Казань, 1916. 3242 с.
25. Сафонов Д. А. Немецкие военнопленные в Оренбургском крае в годы первой мировой войны // Немцы и Оренбургский край : материалы обл. науч. конф., посвящ. 250-летию Оренбургской губернии и 60-летию Оренбургской области / под ред. А. В. Федоровой. Оренбург : Димур, 1994. С. 25—26.
26. Сафонов Д. А. Военнопленные и местные власти в Оренбургском крае в первой четверти XX века [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2014. № 4 (12). С. 150—158. URL: http://vestospu.ru/archive/2014/articles/19_12_2014.pdf.
27. Семенов В. Г. Военнопленные в Оренбургской губернии // Этнопанорама. 2001. № 2. С. 70—71.
28. Шмакова Н. Н. Оренбургская пресса о милосердии и благотворительности в годы Первой мировой войны [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2014. № 1 (9). С. 118—124. URL: http://vestospu.ru/archive/2014/articles/19_9_2014.pdf.

Поступила в редакцию 20.10.2017

Магомедов Рамазан Раджабович, доктор исторических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: rr-magomedob@yandex.ru

Гришакова Лариса Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент
Оренбургский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: larisa1789@mail.ru

UDC 94 (47)“1914/1918”

R. R. Magomedov
V. L. Grishakova

The idea of Slavic unity and its reflection in policy towards Slavic prisoners of war in Orenburg province during WWI

By the example of Orenburg province the authors of the article show the reflection of the idea of Slavic unity in the politics of Slavic prisoners of war. This work is the result of the efforts of military and local authorities, Orenburg Diocese and non-governmental organizations of the Slavic charitable society.

The differentiating approach “Slavs vs. non-Slavs” to the accommodation of prisoners of war, their housekeeping and labor conditions was one of the components of this policy. The Orenburg province mostly adhered to this principle, especially when using the labour of war prisoners to benefit the economy of the region. The ideological and political work was also subordinated to the goal of a positive perception of Russia and a benevolent attitude towards it from Slavic prisoners of war.

Key words: The First World War, the Slavic unity, Slavic prisoners of war, Austro-Hungary, Germany, Orenburg province.

Magomedov Ramazan Radzhabovich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Orenburg State Pedagogical University
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: rr-magomedob@yandex.ru

Grishakova Larisa Valeryevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Orenburg State Pedagogical University
460014, Russian Federation, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: larisa1789@mail.ru

References

1. Arzhakova L. M. Slavyanskii vopros v rossiiskoi politike na nachal'nom etape Pervoi mirovoi voyny (po stranitsam vospominanii diplomata-sovremennika) [The Slavic question in Russian politics at the initial stage of the First World War (from the pages of the memoirs of a modern diplomat)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2, Istoriya*, 2014, no. 1, pp. 20—27. (In Russian)
2. Bazanov S. N. Voennoplennye-slavyane v Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny [Slavic prisoners of war in Russia during the First World War]. *Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN*, 2013, no. 11, pp. 171—184. (In Russian)
3. Bakhturina A. Yu. Slavyanskoe edinstvo: ideya i prakticheskoe voploshchenie v Vostochnoi Galitsii v gody Pervoi mirovoi voyny [Slavic unity: the idea and practical embodiment in Eastern Galicia in the years of the First World War]. *Pervaya mirovaya voyna, Versal'skaya sistema i sovremennost': sb. statei* [The First World War, Versailles system and modernity: a collection of articles]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2014, pp. 55—64. Available at: http://histrf.ru/uploads/media/artworks_object/0001/09/8966ca31db3cbe2244b4b5afae65218be63a2b7.pdf. Accessed 24.10.2017. (In Russian)
4. Belova I. B. Rossiiskie issledovaniya istorii prebyvaniya voennoplennykh tsentral'nykh derzhav v rusском i sovetskom plenu [Russian research of the history of war prisoners of central powers in Russian and Soviet captivity]. *Novaya i noveishaya istoriya*, 2014, no. 5, pp. 143—150. (In Russian)
5. Valitov A. A. Otnoshenie ofitsial'nykh vlastei k voennoplennym Pervoi mirovoi voyny v Tobol'skoi gubernii [The attitude of the official authorities to the prisoners of war of the First World War in the Tobolsk province]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*, 2014, no. 7, pp. 48—51. Available at: <http://human.snauka.ru/2014/07/7348>. Accessed 30.09.2017. (In Russian)
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [State Archives of the Orenburg Region] (GAOO). F. 11. Op. 1. D. 1281.
7. GAOO. F. 11. Op. 12. D. 88.
8. GAOO. F. 11. Op. 12. D. 89.
9. GAOO. F. 15. Op. 1. D. 207.
10. GAOO. F. 15. Op. 1. D. 265.
11. GAOO. F. 15. Op. 1. D. 289.
12. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 569.
13. Idrisova E. S. *Inostrannye voennoplennye Pervoi mirovoi voyny na Yuzhnom Urale: dis. ... kand. ist. nauk* [Foreign prisoners of war of the First World War in the Southern Urals. Cand. Dis.]. Orenburg, 2008. 193 p. (In Russian)
14. Magomedov R. R., Shmakova N. N. Naselenie Yuzhnogo Urala v nachale Pervoi mirovoi voyny [The population of the Southern Urals at the beginning of the First World War]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 5, pp. 203—207. (In Russian)
15. Magomedov R. R. Nesostoyavshayasya Vtoraya Otechestvennaya voyna [The Failed Second World War]. *Rossiya v Otechestvennykh voinakh. Chetvertye Vserossiiskie istoriko-kraevedcheskie chteniya pamyati professora P. E. Matvievskogo. Posvyashchaetsya 200-letiyu pobedy Rossii v Otechestvennoi voine 1812 goda* [Russia in Patriotic Wars. The Fourth All-Russian Historical and Local Lore Readings in memory of Professor P. E. Matvievsky. Dedicated to the 200th anniversary of the victory of Russia in the Patriotic War of 1812]. Orenburg, OGPU Publ., 2012, pp. 177—178. (In Russian)
16. Magomedov R. R., Idrisova E. S. Voennoplennye Pervoi mirovoi voyny v Orenburgskoi gubernii v 1917 godu [Prisoners of the First World War in the Orenburg province in 1917]. *Issledovaniya i issledovateli Yugo-Vostoka Rossii (XIX—XX vv.). Vtorye regional'nye istoriko-kraevedcheskie chteniya pamyati professora P. E. Matvievskogo: sb. statei* [Researches and researchers of the South-East of Russia (XIX—XX centuries). Second regional historical and regional studies of the memory of Professor P. E. Matvievsky: a collection of articles]. Orenburg, OGPU Publ., 2008, pp. 124—127. (In Russian)

17. Nimanov B. I. Soderzhanie inostrannykh voennoplennykh na territorii Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny [The maintenance of foreign prisoners of war on the territory of Russia during the First World War]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Istoriya Rossii*, 2009, no. 2, pp. 53—61. (In Russian)
18. *Orenburgskaya gazeta*, 1914, Sept. 21.
19. *Orenburgskaya gazeta*, 1914, Sept. 23.
20. *Orenburgskaya gazeta*, 1915, Febr. 28.
21. *Orenburgskaya gazeta*, 1914, Aug. 24.
22. *Orenburgskaya gazeta*, 1914, Sept. 7.
23. *Orenburgskaya gazeta*, 1915, Febr. 14.
24. *Prikazy po Kazanskomu voennomu okrugu* [Orders for the Kazan Military District]. Kazan, 1916. 3242 p. (In Russian)
25. Safonov D. A. Nemetskie voennoplennye v Orenburgskom krae v gody pervoi mirovoi voiny [German prisoners of war in the Orenburg region during the First World War]. *Nemtsy i Orenburgskii kraj: materialy obl. nauch. konf., posvyashch. 250-letiyu Orenburgskoi gubernii i 60-letiyu Orenburgskoi oblasti* [Germans and the Orenburg region: materials of the region. sci. conf., dedicated 250th anniversary of the Orenburg province and the 60th anniversary of the Orenburg region]. Orenburg, Dimur Publ., 1994, pp. 25—26. (In Russian)
26. Safonov D. A. Voennoplennye i mestnye vlasti v Orenburgskom krae v pervoi chetverti XX veka [Prisoners of war and local authorities in the Orenburg region in the first quarter of the twentieth century]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2014, no. 4 (12), pp. 150—158. Available at: http://vestospu.ru/archive/2014/articles/19_12_2014.pdf. (In Russian)
27. Semenov V. G. Voennoplennye v Orenburgskoi gubernii [Prisoners of war in the Orenburg province]. *Etnopanorama*, 2001, no. 2, pp. 70—71. (In Russian)
28. Shmakova N. N. Orenburgskaya pressa o miloserdii i blagotvoritel'nosti v gody Pervoi mirovoi voiny [Orenburg press on mercy and charity during World War I]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2014, no. 1 (9), pp. 118—124. Available at: http://vestospu.ru/archive/2014/articles/19_9_2014.pdf. (In Russian)